

не менѣе трехъ лѣтъ по своей специальности.

2. Сократить срокъ обученія въ школахъ фабрично - заводскаго ученичества для подготовки квалифицированныхъ ра-

бочихъ массовой специальности съ 2 лѣтъ до 6 мѣсяцевъ.

Для подготовки отдѣльныхъ наиболѣе квалифицированныхъ группъ рабочихъ допустить годичный срокъ обученія.

(«Комс. Правда», 18 сент. 1933 г.),

Объ идеологическомъ кризисѣ движенія.

Задачи Движенія и грозящія ему опасности.

Русское Христіанское Движеніе молодежи переживаетъ тяжелый финансовый кризисъ, который поглощаетъ много вниманія и силъ. Но оно переживаетъ еще гораздо болѣе тяжелый идейный кризисъ, о которомъ молодежи слѣдуетъ глубже задуматься. Ошибочно думать, что, признавъ себя православнымъ и увидѣвъ въ служеніи православію свою задачу, Движеніе опредѣлило себя. Въ немъ не только не произошло идейнаго самоопредѣленія и осознанія своихъ задачъ, но парализовано желаніе такого самоопредѣленія и осознанія. Идейное безпокойство, связанное съ жизненными проблемами нашей эпохи, отстраняется отъ Движенія и даже, повидимому, признается не соответствующимъ характеру Движенія. Въ дѣйствительности Православіе можетъ быть лишь базисомъ, духовной основой христіанскаго движенія русской молодежи, но не можетъ быть конкретной задачей Движенія. Конкретной задачей можетъ быть лишь раскрытіе изъ глубины Православія, изъ глубины христіанскаго отношенія къ полнотѣ жизни. Движеніе не можетъ быть лишь движеніемъ къ Православной церкви, Движеніе должно быть движеніемъ изъ Православной церкви, какъ источника духовнаго питанія и крѣпости, ко всемъ мучительнымъ вопросамъ, поставленнымъ жизнью. Движеніе можетъ быть лишь раскрытіемъ многообразнаго

жизненнаго содержанія Православія. Это содержаніе не можетъ заключаться лишь въ утвержденіи благочестія, по преимуществу храмоваго. Это есть обѣдненіе Православія. Благочестіе есть прежде всего явленіе личной духовной жизни и оно не можетъ быть лозунгомъ Движенія, которое всегда есть явленіе социальнаго порядка. И нельзя корректировать эту обѣдненность тѣмъ, что смѣшивать православное благочестіе со спортивнымъ и военнымъ воспитаніемъ юношества безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ. Благодаря этому, Движеніе не имѣетъ органическаго стиля. Христіанское движеніе есть неизбежно явленіе социальное и культурное, а не только явленіе личной религіозной жизни и потому оно должно имѣть идеи, должно быть взволновано проблемами, которыя сейчасъ волнуютъ міръ, чувствовать поступъ исторіи. Оно не можетъ быть чуждо тому культурному и социальному кризису, который безспорно имѣетъ религіозные корни. Выработка и реализація христіанскаго отношенія къ культурѣ и социальной жизни не можетъ не входить въ задачи Движенія. Но для этого необходимо всемѣрно бороться за повышеніе интеллектуальнаго и культурнаго уровня состава Движенія, бороться противъ варваризаціи, которая все болѣе и болѣе захватываетъ молодыхъ поколѣнія. Нельзя допустить, чтобы от-

ношеніе русской христіанской молодежи къ жизни соціальной опредѣлялось исключительно непросвѣтленными инстинктами и неосмысленными традиціями прошлаго, потерявшими реальное значеніе въ нашу эпоху. Движеніе сознательно отстраняетъ отъ себя вопросы политики, но безсознательно политика въ Движеніе вносится и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ работы принимаетъ господствующій характеръ. Подъ лозунгомъ аполитизма и аполитического націонализма ведется очень опредѣленная право-націоналистическая или фашистская политика, какъ будто бы само собой разумѣется ея связь съ Православіемъ. Вотъ это, по моему мнѣнію, не можетъ быть терпимо. Необходимо пролить свѣтъ христіанскаго сознанія и христіанской совѣсти на эти вопросы, ничего не оставляя недоговореннымъ, не допуская никакой двусмысленности. Движеніе въ духовномъ ядрѣ своемъ остается какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ православнаго благочестія. А поскольку оно расширилось во внѣ, оно впитывало въ себя элементы молодежи, органически не связанной съ христіанской духовной жизнью и допускало методы, практикуемые въ направленіяхъ, одержимыхъ національно - политическими страстями нашей эпохи. Я убѣжденъ, что движеніе будетъ жизненно лишь въ томъ случаѣ, если оно выйдетъ изъ-подъ стекляннаго колпака, изъ теплой атмосферы на болѣе широкую арену и пріобрѣтетъ характеръ христіанско - соціальный и христіанско-культурный, если оно будетъ впитывать въ себя новыя поколѣнія молодежи, но при непремѣнномъ условіи подчиненія этой молодежи христіанскому духу. Христіанскій же духъ противится той стихійной власти плоти и крови, которому повинуются слишкомъ многіе изъ современной молодежи въ своихъ національныхъ и политическихъ влеченіяхъ. Миръ сей-

часъ растерзанъ самыми грубыми политическими и національными страстями, которыя связаны съ насущными, жизненными нуждами молодежи. Но дѣло христіанства внести въ эту тьму страстей и инстинктовъ просвѣтлѣніе. Для этого необходимо изъ глубины христіанской совѣсти опредѣлить свое отношеніе къ насущнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ нашего времени. Просвѣтленіе не будетъ достигнуто, если отвернуться отъ этихъ вопросовъ и если допускать работу въ этой области лишь механически связанную съ ядромъ христіанскаго движенія.

Русская христіанская молодежь должна болѣе внимательно присматриваться къ движеніямъ христіанской молодежи Запада и притомъ не только къ методамъ организаціи. Въ лучшей части христіанской молодежи Запада сейчасъ происходитъ пробужденіе христіанской совѣсти въ отношеніи къ соціальной жизни. Съ точки зрѣнія чистой христіанской совѣсти пытается она судить капитализмъ, милитаризмъ, націонализмъ. Это особенно нужно сказать про молодежь французскую, католическую и протестантскую, и про молодежь англійскую, англо-католическую. Но то же пробужденіе христіанской совѣсти можно найти въ нѣмецкой и швейцарской протестантской молодежи, находящейся подъ вліяніемъ бартіанства. Въ западномъ христіанствѣ есть сейчасъ сильное движеніе противъ войны, противъ милитаризма, движеніе, основанное не на гуманистическихъ, а на христіанскихъ принципахъ. Есть сознаніе вины христіанъ, грѣховъ, допущенныхъ церковными людьми. Было бы постыдно, если бы только въ русскомъ православіи не было этого пробужденія христіанской совѣсти, этого очищенія христіанской совѣсти отъ дурного наслѣдія прошлаго, когда христіанство было искажено госу-

дарственными внушениями, социальными интересами, националистическими инстинктами. Было бы постыдно, если бы только русское православие стояло за милитаризмъ, за языческой націонализмъ, за государственный гнетъ и социальную несправедливость. Это возможно у насъ вследствие аффективной реакціи противъ коммунистической революціи. Но это противорѣчило бы лучшимъ традиціямъ русской религіозной мысли XIX в., русскимъ исканіямъ Царства Божьяго и социальной правды. Молодежи постоянно слѣдуетъ объ этомъ напоминать. Сейчасъ въ мирѣ есть два типа молодежи: одна ищетъ прежде всего христіанской правды въ полнотѣ жизни личной и социальной, другая ищетъ прежде всего силы и власти. Второй типъ можно было бы назвать фашистскимъ, хотя терминъ этотъ требуетъ уточненія. Но пора, наконецъ, рѣшительно сказать, что фашизмъ, особенно нѣмецкій фашизмъ, носитъ рѣзко антихристіанскій характеръ. Фашизмъ по своей идеологіи есть языческой натурализмъ, возвратъ къ языческому, дохристіанскому обоготворенію государства и національности. Это есть трансформация римской идеи поклоненія кесарю. Фашизмъ пользуется религіей и христіанской церковью, какъ своимъ орудіемъ, поработавъ христіанскія церкви государственно - національнымъ интересомъ. Въ Италіи фашизмъ заключаетъ въ себѣ и положительные элементы и во главѣ его стоитъ замѣчательный человекъ. Но фашизмъ гораздо хуже и для судьбы христіанства опаснѣе коммунизма, который честно объявляетъ себя врагомъ христіанства и преслѣдуетъ его. Преслѣдованіе лучше, чѣмъ превращеніе въ послушное орудіе всегда обнаруживающее рабство христіанъ. Фашистскій типъ молодежи жаждетъ насилій и готовъ всегда примѣнять методы борьбы, глубоко про-

тивоположные христіанскому духу. Въ русской эмигрантской молодежи есть сильный націоналистическій инстинктъ и очень слабый инстинктъ социальной правды. И любопытно, что это часто означаетъ не обращеніе лицомъ къ Россіи, что я призналъ бы очень положительнымъ, а отвращеніе отъ нея. Есть часть русской молодежи, которая ищетъ и социальной правды. Но это такъ наз. «пореволюціонныя теченія», которыя въ христіанское движеніе молодежи не входятъ. Ихъ отталкиваетъ Движеніе, и они сами отъ него отталкиваются, не чувствуя въ немъ достаточно жизни. Объ этомъ нужно также задуматься. Нужно дать возможность войти въ Движеніе болѣе свѣжимъ, активнымъ и творческимъ элементамъ. Националистическіе же инстинкты, сопровождающіеся жаждой насилія, должны быть просвѣтлены, съ ихъ грубыми проявленіями необходимо безпощадно бороться. Вл. Соловьевъ достаточно выяснилъ, что между націонализмомъ и национальностью такое же различіе, какъ между эгоизмомъ и личностью. Национализмъ не соединимъ съ христіанствомъ, онъ противоположенъ христіанской вселенности, не знающей различія между эллиномъ и іудеемъ. Воинствующій націонализмъ есть сейчасъ величайшая опасность для самого существованія человечества. Въ связи съ этимъ нужно признать величайшею опасностью для Движенія внесеніе въ методы его работы милитаризаціи.

Милитаризація молодежи есть сейчасъ преступленіе. Она означала бы созданіе въ Движеніи гитлеровскихъ отрядовъ. Событія въ Германіи есть великое предостереженіе. Оцѣнка ихъ есть испытаніе христіанской совѣсти. Нельзя смѣшивать спортъ, которому самъ я придаю большое положительное значеніе, физическаго воспитанія, развитія мужественнаго

характера, съ милитаризаціей. Это явленіе совершенно разнаго порядка. Милитаризація совсѣмъ не есть укрѣпліе и развитіе личнаго характера, милитаризація есть явленіе соціального порядка, предполагающее цѣлую систему идей государственно - политическихъ и національныхъ. Она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана аполитической. Мы видимъ результатъ этого въ Германіи и въ Совѣтской Россіи. Милитаризація молодежи есть цѣликомъ послѣдствіе міровой войны, она означаетъ продолженіе міровой войны и укрѣпліе воли къ войнѣ, она сопротивляется замиренію міра, духовному объединенію человѣчества. Вопросъ о существованіи сильныхъ армій есть вопросъ совершенно другого порядка. Во Франціи существуетъ самая сильная въ мірѣ армія и вмѣстѣ съ тѣмъ Франція страна наименѣ милитаристическая. Армія для нея есть лишь инструментъ, орудіе защиты родины и поддержаніе ея престижа въ мірѣ. Въ Германіи же, какъ вѣрно говоритъ Зибургъ, милитаризмъ есть не столько орудіе, сколько внутренняя организація общественной жизни, нѣмецкое пониманіе отношеній между людьми. Но отъ этого нѣмцы совершенно лишены гражданскаго мужества и достоинства, они мужественны лишь въ полку, въ организованныхъ военныхъ кадрахъ. Самъ я происхожу изъ военной семьи и получилъ военное воспитаніе, я воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и шесть лѣтъ обучался строевой службѣ. Поэтому я въ этомъ отношеніи имѣю нѣкоторый опытъ, котораго не имѣютъ люди, глубоко и безнадежно штатскіе, но склонные бряцать оружіемъ. Мои воспоминанія и наблюденія убѣждаютъ меня въ томъ, что военное воспитаніе, имѣющее нѣкоторыя преимущества въ большой внимательности къ тренировкѣ человѣческаго тѣла, совсѣмъ

пренебрегаемаго въ воспитаніи гуманистическомъ, совсѣмъ не способствуетъ развитію личнаго характера, личной самостоятельности и гражданскаго мужества, оно воспитываетъ не соціальность, а стадность. Уклонъ къ милитаризаціи въ работѣ съ молодежью можетъ быть совершенно безсознательнымъ, онъ можетъ быть незамѣтнымъ потаканіемъ непроектнымъ инстинктамъ молодежи, которые ищутъ себѣ выхода. Столь же безсознательнымъ можетъ быть внесеніе националистически - фашистской политики въ Движеніе. Но именно вслѣдствіе этой безсознательности необходимо внести въ эту область сознаніе и волю. Эта безсознательность въ работѣ, это отсутствіе идейнаго руководства поддерживается кажущимся аполитизмомъ Движенія, отклоненіемъ отъ себя соціальныхъ проблемъ христіанства. Все будетъ иначе, Движеніе приобрететъ большую цѣльность, болѣе богатое содержаніе и большую актуальность, когда передъ руководителями и главными дѣятелями Движенія станутъ вопросы о сознательномъ отношеніи православія, христіанства ко всей полнотѣ жизни, ко всѣмъ сферамъ жизни, когда лозунгъ «оцерковленія жизни» перестанетъ быть формальнымъ и означать лишь формальную вѣрность Православной церкви, а станетъ творческимъ раскрытіемъ христіанства на всемъ полѣ жизни культурной и соціальной... Тогда невозможнымъ станетъ совмѣщеніе внутри Движенія православнаго благочестія съ языческими инстинктами плоти и крови, принявшими обличье безсознательной традиціи. Оцерковленіе жизни, какъ цѣль Движенія, осталось безжизненной формулой, оно ни въ чемъ не выражается. Хожденіе въ церковь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ не есть еще оцерковленіе жизни. Борьба за цѣнность и достоинст-

во человеческой личности, которая сейчас подвергаются сомнѣнію и со всѣхъ сторонъ подвергаются угрозѣ, борьба за свободу духа и духовной жизни есть христіанская задача и христіанскій лозунгъ. Также христіанская задача есть борьба за духовную культуру и ея цѣнности и за социальную справедливость въ отношеніи человѣка къ человѣку. Это — лозунги, которые, по моему разумѣнію, должны быть провозглашены въ Движеніи и должны быть реализованы. Это можетъ привлечь въ Движеніе новые кадры молодежи, болѣе живой и творческой, можетъ вдохновить ихъ и исправить самый главный недостатокъ Движенія — отсутствіе смѣны. Необходимо указать еще на одну опасность Движенія — опасность бюрократизаціи его аппарата, превращенія его

главныхъ руководителей въ профессиональныхъ чиновниковъ. Эта опасность подстерегаетъ всякую социальную организацію при ея расширеніи. Бюрократизація есть смертельный врагъ всякаго творческаго горѣнія, она охлаждаетъ всякій интересъ къ живымъ идеямъ и ослабляетъ активную инициативу въ непосредственномъ жизненномъ дѣлѣ. Внесение творческой идейной жизни въ Движеніе предполагаетъ ослабленіе бюрократизма, доведеніе его до необходимаго минимума.

Я критикую Движеніе и обличаю его недостатки не со стороны, какъ противникъ, а изнутри, какъ другъ. Самокритика же всегда необходима для того, чтобы Движеніемъ было движеніемъ, а не застоемъ.

Николай Бердяевъ.

Объ отношеніи религіозной и социальной работы Движенія.

Положенія, выработанныя VIII-мъ общимъ съѣздомъ Движенія.

На VIII съѣздѣ Р. С. Х. Движеніе имѣло случай еще разъ остановиться на выясненіи основъ и смысла своей работы. Изъ встрѣчи многихъ голосовъ, иногда весьма различныхъ по тону и звучанію, но не исключаящихъ другъ друга, выяснилось многое, что объединяетъ насъ, и что мы рѣшаемся предложить вамъ, какъ наше общее убѣжденіе.

Основа жизни.

Мы утверждаемъ — нынѣ, какъ и всегда, — первенствующее значеніе религіознаго начала въ принятомъ нами служеніи. Нашей основной цѣлью является жертвенное служеніе Христу и Церкви. Но всякому религіозному дѣлу должна предшествовать религіозная жизнь. Мы должны не-

устанно обновлять и обогащать въ себѣ источники своей духовной жизни, съ обмеленіемъ которыхъ засыхаетъ всякое, даже церковное, дѣло. Формы духовной жизни въ Церкви многообразны; онѣ взаимно восполняютъ другъ друга: молитва, богомысліе, аскетическое дѣланіе, литургическая жизнь, изученіе слова Божія, общеніе въ любви во Имя Христово.

Ни одна изъ этихъ формъ духовной жизни не можетъ быть оставлена въ небреженіи безъ вреда для христіанской личности. Нѣкоторыхъ объясненій требуетъ наше пониманіе литургической жизни по тому значенію, которое она имѣетъ для Движенія въ цѣломъ, и по тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя возникаютъ иногда вокругъ ея пониманія.